

Т.Н. Сузанская

(Бельцкий государственный университет имени А. Руссо, Молдова)

РОМАНСКИЕ И БЕССАРАБСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня мир и человек – как никогда ранее – устремлены к диалогу, а не к монологу. Как известно, диалогическое мироощущение впервые было осмыслено в трудах гениального философа и культуролога Михаила Бахтина. Он отмечал, что жизнь диалогична по своей сути: «Повсюду пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога», писал философ. И далее: «Повсюду – определённая совокупность идей, мыслей и слов проводится по нескольким неслиянным голосам, звуча в каждом по-иному» [1; 459-462]. Так мыслят, по утверждению учёного, автор, персонаж, человек, человечество, т.е. мыслят диалогично, впуская в своё сознание точку зрения «другого». «Мыслящее человеческое сознание и диалогическая сфера его бытия» не поддаются «художественному освоению с монологических позиций», – указывает Бахтин. Всё «диалогизирует» со всем и все со всеми: страна со страной, эпоха с эпохой, человек с человеком, культура с культурой и т.д. В сознание же современного человека диалог буквально врывается.

Диалогические художественные модели литературы и искусства разных времён и народов давно стали предметом аналитического рассмотрения учёных. Сегодня бахтинское понятие диалогичности трактуется весьма расширительно. Появилось много исследований о диахронном диалоге античной и последующих культур, о диалоге Ренессанса и эпохи Просвещения, о диалоге культур XIX и XX вв. и т.п. Не менее интересны работы о синхронных, соположенных во времени культурных диалогах, например, «диалоге» романтиков различных европейских стран в XIX веке.

Область нашего интереса – диалог русской и романской культур. Диалог мы понимаем как непосредственное и опосредованное (типологическое) контактирование литератур, как выявление истинной меры между, например, славянским (русским) и мировым (в том числе романским) искусством, как сопряжение «национальных образов мира» [3], как поиск общности, может быть, скрытой за национальными одеждами, как способность к «всемирной отзывчивости» (вспомним слова Достоевского о Пушкине). Важнейший и плодотворнейший путь гармонизации современной общественной жизни связан именно с диалогом культур, с исследованием «созвучий и пересечений», с поиском таких художественных фактов, в которых поэтическая картина края, например Молдовы, воссоздаётся русским писателем или поэтом.

Вот лишь некоторые краски в богатой палитре поэтической картины Молдовы, созданной русскими писателями и поэтами: стихотворения Льва Ошанина «Молдавия, моя сестра...», Анатолия Жигулина «Белый аист на кресте...», Семёна Липкина «Ломовая латынь», цикл Арсения Тарковского «Степная дудка» и др.

Бунин, написавший замечательную «Песню о Гоце», поэтически тонко и удивительно верно передал исконно национальные тон и лад, и ритм, и образы: *«Каждый год зеленеет к весне старый лес над Днестром и Реутом... Ты, зелёный лист дикой яблони, вы, весенние Кодри, и вы, быстрые реки! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни разговоры не спасли бы его от позора. Уж стучали топорами на площади в Яссах, уже вострил палач на белую шею гоца тяжкую секиру...»* Писатель любил это произведение: «Вот я взглянул на Бессарабию – вот и «Песня о Гоце». Вот и там всё правильно, и слова, и тон, и лад» [2; 669]. Кстати, достаточно произнести небольшой отрывок из «Песни», чтобы ощутить её связь с романским и балканским фольклором, ритмическую и образную близость к народной песне.

В цикле Арсения Тарковского «Степная дудка» поэт расширяет время и пространство диалога русской и романской культур, включая в степную картину южной дунайской природы образ Овидия, отдавая дань пушкинской традиции, смело сопрягая высокий лиризм и прозаизмы, прошлое и современность, «вьюгу» и «латынь». На просторах бессарабских степей русский поэт находит душевное спокойствие и ощущает творческое вдохновение.

*Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.
Что деньги мне? Что мне почёт и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная...
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.*

Сферу исследуемого русско-романского культурного диалога нельзя представить без очерков и путевых заметок В.Г. Короленко о Румынии «Над лиманом», «Наши на Дунае», «Нирвана». С большой симпатией Владимир Галактионович описывал быт и характеры простых людей разных национальностей, живущих по берегам Дуная: румын, молдаван, русских (липован), болгар, турков, греков.

В цикле «Наши на Дунае» писатель точно подмечает, что «на косе, обмываемой Дунаем и взморьем – блеск европейской культуры встречается как будто с задворками Азии», он рассуждает о том, как в румынской и болгарской культурах сливаются элементы христианской Европы и мусульманской Турции, как они отражаются в особенностях быта людей, отношениях друг к другу, к природе, к жизни в целом. В этом же очерке Короленко даёт ряд метких социально-политических характеристик, выражая сочувственное отношение к простому человеку.

Описания жизни социума соседствуют (как правило, по контрасту) с выразительными картинами природы юго-восточной Румынии. Самые характерные образы пространства: *солнце, облака, высокое небо, река, море, степь, ветер*. Пейзажи не блещут ничем особенным, в них нет южной пышности, экзотики, необыкновенных красок, великолепия растительности. Они скромны и незатейливы, Короленко скорее прибегает к образной и предметной детализации, «вещному словарю» (Ю. Лотман) нежели к какой-то особенной звукописи или яркой цветописи. Излюбленные тропы:

– **персонификация** (*пробегают вихри, вынырнул минарет, молчаливый простор Добруджи, ласковое небо, убаюканная память, ровное дыхание степного ветра, мерное дыхание моря*);

– **метафора** (*солнце заливало мостовую, стальная полоса Дуная, волнистый простор Добруджи, тяжёлая синева неба, обугленный солнцем чабан, сладкое усыпление, степная нирвана*); характерно, что в очерке «Нирвана» Короленко использовал **развёрнутую метафору**, т.е. такую, которая становится сюжетом произведения, основой его содержания, даёт ему заглавие;

– **эпитет** (*синяя тень, мгlistый горизонт, мелодичный, глуховатый плеск, серповидные тонкие крылья, узкий берег, мелодические дойны*);

– **сравнение** (*море сверкало точно раскалённое серебро, прямая, точно по линейке, полоса морского берега, дикий лук торчит стрелками, высокие ворота рисуются в небе, как виселица; все это бледнело, отодвигалось и исчезало, как след дыхания на стекле, как круги на воде от брошенного камня, как звуки приснившегося когда-то шумного оркестра*).

В очерке «Нирвана» (1913) писатель отразил свои впечатления о поездке в Кыт-ерлез («по самому берегу моря») в 1897 году. Этот очерк представляет собой уникальное художественное единство со **сквозными образами**: реки, солнца, степи, ветра, песни (дойны), румынского пастуха; **смысловыми опорами**, например, мыслями о бренности всего сущего и о вечной нирване; **характерными лейтмотивами**, например, путешествия, дороги и жизненного пути. Отметим также, что музыкальный характер и ритм очерков Короленко связан с такой стилистической фигурой, как **повтор**, а богатство интонаций помогают выразить **риторические вопросы, восклицания, умолчания и антитеза**: *«Всё то же море, всё та же синяя полоса воды, всё те же, вечно повторяющиеся и вечно изменчивые формы облаков, тот же ветер, те же колыхающиеся над ним камыши плавни... И тысячи лет пролетают над ними, и тысячи лет все так же поют и плещут волны... О чём?..»* («Нирвана»)

Современная политическая жизнь вторгается в «степную нирвану» как нечто противоестественное, инородное. Суете и пустоте общества Короленко противопоставляет величие и вечность природы: *«Не здесь ли истинное блаженство, завершение всякой философии! Степная нирвана, сладкое усыпление, во время которого снится только синее небо, только белые облака, только колыхание травы, только клетот орла, только веяние ветра, только смена дней и ночей, только зной и грозы, только дыхание вечно могучей, вечно живой и всесильной, никогда неразмывляющей природы...»* Выделим контекстуальные синонимы с лексемой «сон». Она осмысливаются писателем амбивалентно: суетные торжества в Констанце и сладкое усыпление степной нирваны, в которую художник проникает во время путешествия, одинаково названы сном, с одной лишь разницей: сон общества, с точки зрения писателя, является фальшью и суетой, а природная нирвана – истиной и покоем. В этом фрагменте читателя завораживает лиризм и полифония, богатство художественной отделки и многообразие использованных приёмов, удивительная музыкальность и ритм, переданные повтором слова «только», а также с помощью однородного членения и номинативной градации.

Вышеизложенное ещё раз подтверждает известную мысль Георгия Гачева о том, что интерференция (наложение национальных образов) – затруднение мнимое. «Столкновение национальных образов мира извлекает искры, которые освещают и тот и другой, – происходит обоюдное познание» [3; 54].

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М.Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Бунин, И. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т.4 / И.Бунин. – М.: Художественная литература, 1988.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г.Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 26 с.
4. Короленко, В.Г. Наши на Дунае // http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0710.shtml
5. Короленко, В.Г. Нирвана // http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0720.shtml

Т.Ф. Сухоцкая (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў)

ГАСПАДАРСКАЯ ПАРАДЫГМА Ў БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ

Асоба як індывідуальны суб'ект культуры інтэнсіўна ўплывае на якасць працэсаў культурнай дынамікі, фарміруе каштоўнасныя прыярытэты грамадскага жыцця. У якасці пэўнага сацыяльна-палітычнага ідэала ў беларускай культуры выступае постаць гаспадара як сімбіёз сацыяльных якасцей і духоўна-маральных дабрачыннасцей асобы – адукаванага і мудрага дзяржаўнага кіраўніка. У сучасных умовах духоўнага і эканамічнага крызісу, сітуацыі “на ростанях” паўстае неабходнасць правільнага выбару шляхоў vyrатавання. Вырашэнне сітуацыі патрабуе актывізацыі